

● ● ●
Если бы детство знало,
Что исчезают зря
Вязкое покрывало,
Глобусные моря.

Изредка связь наладив,
Шлёт оно свой поклон:
Бабушкины олады,
Папин одеколон,

Брешь в корабле бумажном
И лимонад «Байкал».
Проговорит о важном—
И поминай как звал.

Бáлуй его— не бáлуй,
Спрячется: раз, два, три.
Жду и не жду. Пожалуй,
Где-то оно внутри.

● ● ●
Если вдруг мы захотим,
То заведём быт,
Станем жалеть тыл
И наплодим смысл.
Будет росой сон,
Будет скалой дом,
Будут звенеть в нём
Часики: бом-бом.
И через «дцать» лет
Будем иметь вес,
Будем себя знать,
Станем ходить в лес,
Станем ругать век:
Был он—и вот весь.
Что же теперь лезть?
Что же теперь лезть?..
Не навредить бы
Времени, что вспять.
И, отложив быт,
Мы захотим спать.

Спасибо

Он перебрасывает мой портфель через забор.
«Там же что-нибудь сломается...»—думаю я.
Но всё равно теперь знаю,
за что говорить спасибо.

Он перелезает через забор и зовёт,
руку не подаёт.
«Мог бы и помочь»,—думаю.
Но всё-таки знаю,
за что говорить спасибо.

В парке он всё время говорит не о том.
«Что же ты такой несуразный?»—думаю.
Но всё-таки
теперь знаю...

В воскресенье мама ведёт меня в храм.
Я улыбаюсь, потому что наконец-то знаю,
за что говорить спасибо.

● ● ●
На рынке жара, мошकारа, но отсюда
Виднеется море вдали.
Среди абрикосов и синей посуды
Скучает высокий Али.

Его черносливы-глаза равнодушны,
Улыбка сияет: «Купи».
И вот покупатель кивает послушно,
Коварству её уступив.

Монеты отсчитаны. Время плетётся.
Неспешно минуло полдня,
Когда под навес молодого торговца
Жара заманила меня.

Али предлагает орехи и сливы.
Неясно, кто нынче в плену...
Похоже, со мною он будет правдивым,
И я его обману.

Рим

1.

Эти парки-дворы—у них надо мною власть,
Эта площадь Венеции, слышимая извне.
Мы помиримся здесь, мы будем друг друга красть
У прохожих и солнца, смоченного в вине.

За стеною машины, карабинеры, люд,
Мировая история на чередѣ колонн.
Здесь тенисто, легко, а птицы поют и пьют:
То фонтанчик им свой поклон, то они—поклон.

Пропадѣм, наречѣмся жителями сего,
Будто это заветная точка во всѣм пути.
Только ключник-старик, не видящий ничего,
Будет связкой звенеть и нас приглашать уйти.

Мы уйдѣм, но самое главное унесѣм.
И нас примет город, знающий обо всѣм.

2.

Всѣ стелет, стелет нам земля
Свои перины.
Растут из них и тополя,
И мандарины.

Сорвѣшь, и плод в руке твоей—
Звено в цепочке.
И в ней всё прошлое людей—
Ещё цветочки.

Старо холмистое селенье,
Пыльноовато.
Но все небесные знаменья
Когда-то

Свои оставили печати.
Место это
В людское счастье и несчастье
Разодето.

Но нам судить не мир—
Тех, кто мы сами,—
Не повзрослевшими
Ещё глазами,

Стоять в ряду дерев плодами,
Вязать сетями-проводами,
Идти шагочками-годами
К Мадонне и Прекрасной Даме,

Убавить время на полтона,
Не знать далѣкого итога
И через око Пантеона
Смотреть на Бога.

3.

Выходят львы. Трибуны воют,
Несчастных хищников клянут,
А гладиатор вынул кнут.
Убьют его или закроют—
Решится в несколько минут.

Смеѣтся люд и рукоплещет,
Им чуден падающий слон.
А раб выходит на поклон,
И меч в руке его трепещет.
Раб знает: следующий—он.

Болото смерти на арене,
Костей ломающихся хруст...
Амфитеатр давно уж пуст,
Но вижу я, как на рентгене,
Кровавейшее из искусств.

Своими арками глазае,
Цирк Флавиев стоит хитро.
Но всё сжимается нутро,
Когда к громаде Колизея
Я поднимаюсь из метро.

Санаторий

Безликий санаторий спит.
Пусты аллеи.
Сестра-хозяйка зла на вид,
Но язва злее.
Не выйти ночью, не сбежать.
Тюрьма приличий.
Ни грабежа, ни кутежа—
Таков обычай.
Сосед (отит) молчит и спит,
Не мочит ухо.
Соседка лечит тонзиллит,
Но тоже глухо.
На процедурах медсестра
Сидит бочонком.
Ей все диагнозы с утра
Уже в печѣнках.
Она душою не кривит
(Уж кривы души),
А очень просто говорит,
Что будет хуже,
Что нет здоровья, нет пути,
Что всё гнилое,
Что если стар, то не спасти
Своѣ былое.